

Впервые на русском!

Одна ночь на земле вселила в меня
радость на целую жизнь.

Одна ночь на земле подарила мне
предчувствие вечности.

Все начинается.

Эрик-Эмманюэль Шмитт НОЧЬ ОГНЯ

Каждая история –
маленький шедевр!

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Ночь огня

Серия «Азбука-бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18327474

*Эрик-Эмманюэль Шмитт. Ночь огня: Азбука, Азбука-Антикус;
Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-11384-8*

Аннотация

Впервые на русском – новый роман Э.-Э. Шмитта «Ночь огня» В двадцать восемь лет Шмитт предпринял пеший поход по пустыне Сахара. Он отправился туда будучи атеистом, а десять дней спустя вернулся глубоко верующим человеком. Вдали от привычного окружения писатель и драматург открыл для себя простую жизнь, завязал дружбу с туарегами. А потом он заблудился на просторах Ахаггара. На протяжении тридцати часов он ничего не ел и не пил, он не понимал, где оказался и сумеют ли его найти. И ночь, проведенная под звездами, открыла ему новый духовный путь. Она изменила его навсегда. Но что произошло в ту ночь? Что он слышал? Что произвело столь резкое, неизгладимое впечатление на этого философа-агностика? В своей новой книге «Ночь огня» писатель рассказывает и о насыщенном приключениями странствии, и о пути вглубь собственного «я». Впервые Э.-Э. Шмитт приоткрывает нам свой внутренний мир, показывая, как, казалось бы, прочно

сложившаяся жизнь человека и писателя, его взгляды в один миг способны резко перемениться.

Содержание

1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Ночь огня

Éric-Emmanuel Schmitt

LA NUIT DE FEU

Copyright © Éditions Albin Michel, S.A. – Paris 2015

© Н. Хотинская, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Думаю, что я полюбил Таманрассет в тот самый миг, когда город появился за иллюминатором. Самолет покинул столицу Алжира, и мы, казалось, летели над луной, видя на многие километры лишь сухой песок, валуны и скалы с вычерченной среди них, точно штрих, нанесенный ногтем в пыли, прямой дорогой, по которой следовали джипы, грузовики и караваны. Мне уже не хватало деревьев, тучных полей, извилистых рек. Вынесу ли я двухнедельный переход через Сахару? Меня страшили пустота, каменная бескровность, воздух, лишенный цветочной пыльцы, природа, не знающая времен года. Потому ли, что я смотрел на нее сверху, земля эта казалась мне скудной. Время от времени появлялся оазис, пучок зелени, фиговые деревья и финиковые пальмы вперемешку вокруг холма; взволнованный, я шептал тогда: «Таманрассет», но мой сосед поправлял меня: то была Гардая, или Эль-Голеа, цитадель Ста плодов, или же Ин-Салах.¹ А потом снова все то же однообразие овладевало неподвижной равниной...

И вот после полудня наконец показался Таманрассет, о чем сообщил голос пилота. Неброская красота этого места поразила меня: городок лежал как бы в нише, две гранит-

¹ Гардая, Эль-Голеа, Ин-Салах – населенные пункты в Алжире.

ные руки, согнутые, закругленные, обнимали его, одновременно показывая и защищая. Примостившиеся между уступами крошечные домики-кубики из шафранового цвета глины напомнили мне те, что я мастерил в детстве, чтобы обставить пейзаж, по которому мчался мой электрический поезд.

Стоило мне выйти из самолета, как дыхание этих мест окутало меня, погладило уши, овеяло губы, и во мне откуда-то взялась уверенность, что этим прикосновением пустыня радостно приветствует меня.

Мы отнесли вещи в отель; к счастью, плохо прибитая табличка оповещала о его назначении, ибо ничто не отличало это строение от его соседей, разве только претенциозная стойка желтого дерева в холле.

Там ждал нас Мусса, туарег, с которым мы переписывались весь предыдущий месяц. По факсу и телефону туземец предоставил нам сведения, необходимые для написания нашего сценария. Высокий, худой, хрупкий, закутанный в черную хлопчатобумажную ткань, с лицом цвета красного дерева, Мусса улыбнулся нам широкой радостной улыбкой, какую обычно берегут для близких друзей, и пригласил поужинать у него.

От гостеприимства я всегда теряюсь, потому что вырос в Лионе, большом городе, сторожкой и замкнутом, где и друга приглашают в гости лишь после того, как месяцы – а то и годы – строго к нему присматривались. Впустить человека в свой дом – все равно что выдать диплом, означающий «до-

стоин». Мусса же, не имея никакой информации, был рад нас принять и спонтанно распахнул перед нами свою дверь – тем более спонтанно, что двери у его дома не было.

В этом низком глинобитном строении, втиснувшемся в переулок, где дома походили друг на друга, как ячейки в улье, было всего две тесные комнаты – кухня и жилое помещение. Я не увидел закута, скрытого хлопковой занавеской, где жена и дочери Муссы готовили ужин; зато вечер я провел в пустой келье безупречной чистоты, каждую ночь превращавшейся в спальню для всей семьи. По контрасту со скудной обстановкой, без мебели, безделушек и картин, кускус явился изобильным, цветным, мясо и овощи лежали, точно драгоценности, на подушке из крупы. Мятный же чай оказался вкуснее самого дорогого вина: сладкий, ароматный, пряный, он разливался во рту фарандолой вкусов – то экзотических, то знакомых, то таких непривычно острых, что немного кружилась голова.

На улице ночь опустилась внезапно и вместе с ней упала температура. За двадцать минут закатное небо расцветилось пурпуром, и дыхание свежести овеяло равнину без травы и кустов, после чего окончательно сгустилась тьма, приглушив даже ветер.

В пламени масляной лампы, заливавшем наши лица золотистым, почти жидким светом, разговор тек непринужденно. Сидя прямо на полу, Жерар, режиссер фильма, и я, его сценарист, засыпали нашего хозяина вопросами, а он отве-

чал нам своим томным, медовым голосом. Еще больше, чем слова, меня завораживали руки туарега, длинные, худые ладони с тонкими, как паучьи лапки, пальцами, ладони то и дело раскрывались нам, не скупясь ни на пищу, ни на разъяснения. Я сразу проникся доверием к этим чужим рукам.

Мы говорили о жизни туарегов... Мусса, хоть и имел жилье в Таманрассете, оставался кочевником и бороздил пустыню девять месяцев в году. Домом его был каменный шатер или же шатер полотняный, и поэтому все его добро – одежда, кастрюли, посуда – помещалось в нескольких наскоро собранных мешках, которые они с домочадцами брали с собой. И не нужны стулья, кровати, сундуки, двери, замки, ключи...

– А где вы прячете ваш телефон, Мусса? Ваш факс?

Он пришел в восторг и объяснил мне, что его шурин руководит туристическим агентством в десяти километрах отсюда и он наведывался туда много раз. Послушать его, само собой разумелось, что одного телефона и одного факса достаточно для нужд всей округи, и он был горд, что его родственник владеет этим чудом современной техники. Вдоволь пораспространявшись о семейном успехе, он принялся описывать пейзажи, которые нам предстояло увидеть.

– *Bioutifoul!*²

Это слово не сходило у него с языка:

– *Bioutifoul!*

² Красивый (искаж. англ.).

Если верить ему, мы побываем в местах *bioutifoul*! И в других *bioutifoul*. Лексикону туарега недоставало разнообразия, но взгляды, сопровождавшие его восклицания, служили комментариями: там-то будет красиво, там-то величественно, там-то ужасающе, там-то гармонично. Мимикой он расцвечивал свои *bioutifoul*, как большой художник.

Наш интерес к сказочной культуре туарегов казался естественным Муссе, ее послу; он не задавал встречных вопросов о нас, нашей стране и наших обычаях. Я уже понял то, что подтвердило потом наше путешествие: в пустыне не интересуются всем остальным, ибо занимают центр мироздания!

В десять часов мы простились с Муссой, и наши *thank you* количеством не уступали его *bioutifoul*.

– Напомните мне, как называется отель? – спросил Жерар для пущей надежности.

– «Отель».

– Простите?

– Это отель «Отель», – со смехом объяснил Мусса. – До недавнего времени он один и был... Теперь правительство построило отель «Тахат», но он не заменит отель «Отель»!

Тихая ночь окутала все вокруг, совсем непохожая на прежнюю тьму, сгустившуюся вслед за сумерками. Как будто город к ней привык...

Идя вдоль чахлых кустов тамариска, я заметил, что в некоторых домах внизу есть электричество. После плени-

тельной ясности вечера вокруг масляной лампы зеленоватый неон, рождающий грязный свет и безобразные потемки, показался мне отнюдь не знаком прогресса, но изъяном... Его свечение раздражало глаз. Как можно, ослепляя, так мало освещать?

Я пошатывался при ходьбе. Чай ли, беседа, атмосфера – откуда мне знать? – опьянили меня... А может быть, подкосило путешествие... или сломила перемена климата... Раз десять мне пришлось хвататься за ограду. Ноги мои подворачивались. Почему-то сбивалось дыхание и не слушалось тело.

– Тебе нехорошо?

Жерар косился на меня встревоженно.

Смутившись, я собрал остатки энергии, чтобы скрыть свое недомогание.

– Очень хорошо.

Пусть этими словами я заслонился от его любопытства, но я не лгал. Хотя слабость моя была почти болезненной, я чувствовал себя хорошо, невозмутимо, спокойнее, чем в Париже, по которому мы бегали еще утром. Слабость эта выражала смутное видение, предчувствие, что я попал в главный край, в страну, которая меня ждала... Или я ждал ее.

– Доброй ночи.

– До завтра.

– Эрик, не забудь: в половине восьмого в холле.

– Я поставлю будильник!

В отеле, прежде чем идти в свой номер, я поднял голову, пересекая патио.

Небо обрушилось мне на голову. Звезды сияли, близкие, трепещущие, живые, рукой достать. Бесконечность улыбалась мне. В одну секунду я почувствовал, что встречаюсь с необычайным.

Увы, я покачнулся от усталости и опустил глаза. Слишком поздно! Нет сил... Я упрямо следовал своему плану: поспать.

Войдя в душ, я спугнул полдюжины тараканов, и они возмущенно разбежались по шершавой плитке. Из труб тянуло запахом ног и экскрементов. Я попятился, зажимая нос. Побывав здесь, я, пожалуй, испачкаюсь, а не отмоюсь! Да и так ли уж я грязен? И спать ложусь один...

И я, хоть и маньяк гигиены, не притронувшись к кранам, надел свежую рубашку, и благоухание лаванды создало иллюзию чистоты; потом я рухнул на кровать – тонкий поролоновый матрасик, брошенный прямо на цемент, – не обращая внимания на стены в пятнах от раздавленных комаров.

Я провалился в сон, торопясь не покинуть этот мир, но вернуться в него поскорее.

Это было очевидно – я не прибыл в незнакомую страну, я приземлился в обещание.

2

Я никогда не просыпаюсь сразу целиком; какие-то части меня еще вязнут во сне. Мой мозг буксует, коснеет, не зная, где находится; тело движется с трудом; слов не хватает, памяти тоже. Мое имя и то порой забывается... Я вынырываю из каждой ночи, точно утопленник, выброшенный на берег в час отлива. Я даже не знаю, сколько времени остаюсь этой пустой формой, сознанием, констатирующим, что оно существует, еще лишенным содержимого. Потом моя личность медленно, даже лениво возвращается в своем ритме, точно влага, растекающаяся по промокашке, и наступает момент, когда я осознаю, что снова стал собой.

И этот день в отеле «Отель» не стал исключением из правила, превращающего меня каждое утро в потерпевшего кораблекрушение.

Будто бы полившись в комнату, когда я открыл глаза, свет поразил меня. Какая сила! Мои пальцы выключили звонок будильника. Глаза обежали оштукатуренные стены, на которых плясали тени от занавески, колеблемой легким ветерком у окна. Где я спал? Новые звуки врывались снаружи: приглушенные голоса с влажным выговором, кошачьи свадьбы, пронзительным мяуканьем перекрывавшие рев мотоциклов.

Где?

Над моей подушкой роились мухи. Любопытная, назойли-

вая шпионская эскадрилья кружила надо мной, точно впервые видела француза.

Алжир... Таманрассет... Поездка с Жераром...

Я вздохнул, с радостью обнаружив себя у врат пустыни и дня.

Что-то, однако, сбивало меня с толку. Но что?

Загудел клаксон, и я понял несуразность: здесь не было гула, характерного для любого города. Никакого движения на улицах. Шум машины я различал так же отчетливо, как в чистом поле. Обычно в городском хаосе за звуками не слышно тишины; здесь же на фоне тишины вырисовывались звуки. Таманрассет, эта равнина, где век назад виднелся лишь колодец да шатры кочевников, сохранил свое достоинство редкого города.

Кровь снова циркулировала под моей кожей, и я ощутил боль в ногах, руках, шее. Всю ночь я кормил комаров. Настоящий пир...

Решив в своем оцепенении, что укусы меня не слишком беспокоят, я снова закрыл глаза, желая еще немного полежаться. Семь часов утра? Неужели? Наверно, ошибка... Лежа на животе, я перемещал голову, ноги, руки, весившие тонну. Смогу ли я их поднять? Они жили своей жизнью. Хватит ли у меня духу заставить их двигаться вместе?

Из коридора раздался громовой голос Жерара:

– Эрик! Не забудь, мы идем сегодня утром к торговцам драгоценностями.

Я прервал медитацию, имевшую главной целью оправдать мою лень, вскочил с постели, в душе вновь распугал возмущенных тараканов, отступил и, не сводя с них глаз, помылся на дедушкин манер – рукавичкой, стоя перед умывальником.

Я вышел к Жерару. Холл служил рестораном. Глотая горький кофе, я мазал на хлеб финиковое варенье, в котором от фиников было одно название, а вкус только сахара. Покуда я старательно жевал, Жерар просматривал различные справочники по региону, и я попутно убедился, бросив взгляд, что еще не умею читать.

Появился Мусса, принаряженный, бодрый, еще жизнерадостнее, чем вчера. Он усадил нас в джип цвета хаки, позаимствованный у брата, с гордостью представив нам автомобиль так, будто речь шла о родственнике. Я сел сзади, все еще слегка не в себе, и мы поехали.

Я считал, что меня не укачивает в машинах с детства, но теперь, казалось, вернулся на много лет назад. Неровная дорога, ухабы, лихость, с которой управлялся с ними Мусса, переворачивали мое нутро. Желудок подкатывал к горлу. Каждую секунду я хотел выйти, но был вынужден цепляться за ручки дверцы, чтобы меня не выбросило. От грохота и тряски мне казалось, будто мы едем на скорости сто километров в час, хотя на самом деле, вероятно, не превышали двадцати...

Мусса затормозил у ряда чахлах деревьев.

– Ну вот, друзья мои!

Рынок драгоценностей не имел ничего общего с Вандомской площадью.³ Прямоугольник утрамбованной земли между кустами на краю города. Раскинутые в пыли шатры. Тряпицы, на которых разложены товары. Пластиковые пакеты вместо ларцов и шкатулок.

Здесь толпились только продавцы, среди которых мы были, боюсь, единственными клиентами. Что еще более странно, сновали одни мужчины, без женщин; хоть по большей части драгоценности были предназначены им, женщины их не выбирали.

Мусса привел нас к торговцам, которые гостеприимно подали чай и разложили браслеты, ожерелья, диадемы, перстни в надежде, что мы купим их товар. Как объяснить им, что нам, зевакам в поисках натуры для фильма, довольно будет ими полюбоваться? Нелегко, восхитившись красотой украшений, объяснить, что мы не собираемся их покупать! Терпеливо, упорно туареги расхваливали свой товар. Давление росло. Уговаривая нас, они говорили о том, какое удовольствие доставят эти подарки нашим женам, невестам, сестрам, матерям... Я начал чувствовать себя недомужчиной: разве не было моим долгом доказать свою мужскую силу, привезя домой эти безделушки?

Наконец Мусса, заподозрив, что мы не заинтересованы, отвел нас к ремесленникам из касты инадан, ковавшим изу-

³ На Вандомской площади в Париже находятся резиденции и бутики крупнейших ювелирных фирм мира.

крашенные кинжалы: не угодно ли нам мужских драгоценностей? Сияясь угадать наши желания, глаза его горели нетерпением.

Положение становилось затруднительным. Из трусости или из любезности я вернулся назад и выбрал серьги. Жерар же сторговал нож с чеканной ручкой.

Это успокоило Муссу.

– Вы довольны?

– Да.

– Правда довольны?

– Эти драгоценности произведут фурор в Париже.

– Тогда и я доволен!

Он сомневался в себе, не в нас...

Мы сели в джип, чтобы отправиться к следующему месту назначения: в часовню и бордж, где жил Шарль де Фуко.⁴

Под солнцем, уже поджаривавшим наши плечи, мы с Жераром взволнованно переглянулись. Шарль де Фуко... Нас била дрожь... Шарль де Фуко, отшельник, занимавший наши часы чтения, трудов и мечтаний... Шарль де Фуко, о котором мы хотели знать все... Шарль де Фуко, белый колдун... Век спустя нам предстоит побывать в местах, где жил этот герой, о котором мы писали сценарий.

Истинное путешествие всегда состоит в столкновении во-

⁴ Шарль Эжен де Фуко (1858–1916) – монах-траппист, отшельник, исследователь Африки. Римско-католическая церковь причислила Шарля де Фуко к лику блаженных.

ображаемого с реальностью; оно располагается меж этих двух миров. Если путешественник ни на что не надеется, он увидит лишь то, что видят его глаза; если же он уже воображал цель своих странствий в мечтах, то увидит много больше того, что явится взору, и заглянет даже в прошлое и разглядит будущее за сиюминутным; и пусть он испытает разочарование, все равно оно окажется богаче, плодотворнее простого протокола.

Невзирая на тряску, я запрокинул голову к небу, подставил лицо дневному теплу и, смежив веки, сосредоточился на событиях, которые привели меня сюда.

Что за приключение увлекло меня в Сахару?

Мне было двадцать восемь лет, и я преподавал философию в Савойском университете. Передо мной, молодым лектором, открывалась блестящая карьера, ибо, уже выпускник Эколь Нормаль, агреже и доктор, я имел шанс, если верить лестным шепоткам старших коллег, «кончить» в Сорбонне или даже в Коллеж де Франс.⁵

Однако, хоть и любя свою дисциплину, я опасался дороги, которую прочили мне люди. Вправду ли она моя, или это лишь логическое продолжение моей учебы? Моя жизнь или чья-то чужая?

⁵ *Коллеж де Франс* – парижское учебно-исследовательское учреждение на площади Марселена Бертло в Латинском квартале Пятого округа французской столицы, предлагающее курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высоких отличий в области французского высшего образования.

Взрослому подходил этот путь, ребенку – нет. С малых лет меня одолевал творческий зуд, я делал марионеток, малевал комиксы, сочинял музыку для фортепиано, писал сказки, таскал у отца то кинокамеру, то фотоаппарат, ставил комедии собственного сочинения в лицее. Учеба же, хоть и много дала мне, много и отняла. Я учился. Многому учился. Учился, и только. Учителя укрепили мою память, знания, способность к анализу и синтезу; но оставили под спудом фантазию, вдохновение, воображение, спонтанную выдумку.

Вот уже год я задыхался.

Усердно работая, чтобы одерживать победы в конкурсах и получать дипломы, я в то же время чувствовал себя заложником этих успехов. Они успокаивали меня, но удаляли от себя самого.

От себя?

Нет! Даже этого я не мог сказать с уверенностью.

Я...

Кто это – я?

Каково мое дело на этой земле?

В таком состоянии я предпринял демарш параллельно моим лекциям. Из-под моего пера вышла пьеса, писавшаяся довольно легко, «Ночь в Валони»; и вдобавок ряд литературных пародий, история Отелло в стиле различных драматургов. Раздобыв адрес, я послал мои литературные опыты зна-

менитой актрисе Эдвиж Фейер,⁶ и та благосклонно открыла передо мной двери мира театра, радио и телевидения.

Прочитав эти тексты, Жерар В., режиссер, работавший в театре и кино, позвонил мне.

– Вас не заинтересовал бы фильм о Фуко?

– Котором? Мыслителе или отшельнике?

– А кого вы предпочитаете?

– Меня интересуют оба – и Мишель, и Шарль.

– А ведь между ними нет ничего общего.

Как Жерар был прав! Мишель Фуко, Шарль де Фуко... Один в моде, другой нет. Один был философом, другой мистиком. Один атеистом, другой верующим. Один боролся за права секс-меньшинств, другой после многочисленных связей с женщинами принял обет целомудрия. Трудно было найти двух настолько разных людей. Лишь одно объединяло их: оба лишились жизни при тягостных обстоятельствах: Мишель Фуко был убит вирусом СПИДа, Шарль де Фуко погиб от руки близкого человека.

⁶ Эдвиж Фейер (наст. фамилия Кунати; 1907–1998) – французская актриса театра и кино. Автор нескольких мемуарных книг, бесед об искусстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.